

У-у, ты какой...

На февральскую серию сольников Геннадия Хазанова в подведомственном ему Театре Эстрады билеты продавались из рук вон плохо. Зал был пуст едва ли не на половину. Хазанов обиделся и заявил, что уходит. Не из Театра Эстрады, а со сцены — как артист. Сделав, впрочем, исключение для драматических спектаклей — «Ужин с дураком», «Смешанные чувства» и будущей премьеры под на-

званием «Все, как у людей» (и то, и другое, и третье — в постановке Леонида Трушкина). Со следующего сезона на 12 дней в месяц площадка будет отдаваться мюзиклу We Will Rock You, еще на столько же — Театру Антона Чехова, а оставшуюся паузу смогут заполнять мастера разговорного или иного жанра. Но только не сам Хазанов.

Окончание на стр. 10

© 2004 BY KILUDA

Культура

У-у, ты какой...

Окончание.

Начало на стр. 1

Прощание со сценой — великий коммерческий ход, и от его повторяемости итоговая сумма не меняется. Люди — существа по природе своей жадные, глаза у них завидущие. Пока Хазанов давал концерты, как миленький, я, честно говоря, не посетила их ни разу. Просто времени не нашла. Да и куда торопиться: вот же он, Хазанов, всегда был, всегда будет, никуда не денется. Когда вдруг выяснилось, что очень даже денется, и сегодня он здесь, а завтра нет его, возникло вполне понятное беспокойство. И вообще это довольно-таки перпендикулярно с его стороны: а если я когда-нибудь еще захочу пойти на Хазанова, а Хазанов будет сидеть в директорском кабинете и руководить, — что прикажете делать? Кроме того, когда об уходе заявляет человек, к которому ты привыкла с детства, резкая боль царапает душу.

Что говорить про Хазанова — Кобзон пропался, и то казалось, что чего-то будет не хватать. Правда, мы никогда не имели удовольствия видеть Кобзона с такой частотой, как после его ухода... А наш обожаемый сладкоголосый Лучано: сказал «чао, Москва» раз, сказал два, и мы очень надеемся, что до октября 2005-го услышим и третье «чао». С одной стороны, долгие проводы — лишние слезы, с другой, торжественно оставляют сцену, как правило, не те актеры, которым хочется с ехидней сделать ручкой: уходя — уходи... Лучше всех механизм прощания сформулировала Пугачева. На журналистский вопрос: «Так вы уходите или нет?», она честно ответила: «Когда я уйду, я всегда предупреждаю...»

Аккредитоваться на якобы последний концерт Хазанова мне удалось с огромным трудом. Не потому, что не хотели пускать — тут как раз-время сказать «спасибо» пресс-секретарю Театра Эстрады, администрации и лично Геннадию Викторовичу, санкционировавшему мою мягкую посадку в партере. Просто на три вечера подряд, 19, 20 и 21 марта, в кассе не осталось ни единого билета. И все было, как полагается — спекулянты при входе, мольбы о лишней контрамарочке, аншлаги-перешлаги, именитые гости на приставных стульчиках, цветы, крики, стоячая овация в финале... Наш народ любит прощаться. Гораздо больше, чем здороваться.

Леонид Утесов говорил, что лучше уйти со сцены на три года раньше, чем на один день позже. Понятно, что решение Хазанова созрело давно. Кризис сегодняшней разговорной эстрады — это кризис авторов, вернее, их отсутствия. Есть Жванецкий, который сам пишет, сам читает, и все остальные, которые либо читают сами, либо передают свои шедевры позорной компании «Аншлага...».

Соответственно, есть не слишком многочисленная интеллигентная публика Жванецкого и многомиллионная, абсолютно быдлярская (даже не извиняюсь, все равно другое слово не подберешь) аудитория Пет-

росяна и ему подобных. У Хазанова сегодня нет своей публики. Он подвис между небом и землей.

Тонким изысканным юмором Хазанов не блистал никогда. Мария Владимировна Миронова, искренне его любившая, возмущалась: «Он рассказывает, как наелся арбуза и пошел провожать девушку. Вот я сейчас стану рассказывать, как я наелась гороха и вышла в приличное общество...» Однако для нынешнего зрителя Хазанов скучноват и замысловат. Проще, Геннадий Викторович, еще проще... Впадать в немислимую, то есть «аншлаговскую», простоту Хазанов, видимо, не хочет. Он все-таки претендует на литературный материал. Пусть не самый высокий, но хотя бы не стыдный.

Якобы последняя сольная программа Хазанова — «Анна Михайловна и др.» — это изысканная композиция с отступлениями, возвращениями, ответвлениями и зигзагами, но все-таки очень цельная. В одной коробочке — другая, в другой, — третья, и так до бесконечности, и можно было бы назвать такой прием «матрешкой», если бы Хазанов хоть как-то монтировался с национальным русским сувениром. Все два часа красной линией, точнее, красным пунктиром пронизывает рассказ Михаила Городинского «Анна Михайловна» — про трудное, комичное (на посторонний взгляд), благородно-изворотливое выживание старой библиотекарши в постсоветские времена. Озвучив страничку-другую, Хазанов встает из-за своего резного стола и начинает травить житейские анекдоты, преимущественно с политическим уклоном.

Если Михаил Жванецкий хочет истину царям с улыбкой говорить, то Геннадий Хазанов никогда не претендовал на что-то большее, нежели статус профессионального шута. Может быть, поэтому он остался милым, симпатичным, доброжелательным, сохранил волосы и неприлично хороший цвет лица. Политическая пизда Хазанова сводится к талантливому пересмешничанью. Причем объектами дразнилок становятся персонажи безопасные. Те, кто ушел со сцены давно и прочно. Программа начинается с Галины Брежневой и Чурбанова на пятнадцатой минуте добрались до Иосифа Виссарионовича, потом двинулись назад, основательно подзадержались на Ельцине, Черномырдине и Лукашенко, и тут история Государства Российского благополучно закончилась.

Геннадий Хазанов — человек законопослушный. В воскресенье, 14 марта из всех деятелей российской культуры в объектив телекамеры попали только он да Олег Табаков. И если речь Табакова на избирательном митинге была до странности интригующей: все понимали, что он намеревается прожить еще четыре года, дай бог здоровья, но никто не пытался, при чем тут выборы и за кого Олег Павлович пришел голосовать (может, за Хакамаду?), то Хазанов возле урны не оставил никаких сомнений. Нынешнюю власть дразнить — это вам не прошлую. Мертвого

льва за хвост дергать — не то что живого. И, кстати, паркинсон папы римского изображать легко. А с патриархом шутить не пробовали?..

Такого рода претензии к Хазанову возникли не сегодня. Чрезмерная эксплуатация немощей Брежнева через много лет после кончины генсека всегда казалась бестактной.

На своем прощальном вечере Хазанов упоминал каких-то совсем уж антикварных типов (например, Шумейко) и заставил публику приветствовать аплодисментами человека по фамилии Сосковец. Хотя в России уже выросло целое поколение, про Сосковца слыхом не слыхавшее. Хазанову вовсе не надо уходить со сцены, но лучше бы он убрал в архив тех, кто ушел со сцены до него.

К героям внешнеполитическим это замечание не относится. Очень приятно на эстрадном концерте слышать имена Горювица, Козловского, Исаака Стерна. Вообще тонкая музыкальность Хазанова очаровывает. Так же, как и явный дар слова. Все, что намерено вокруг «Анны Михайловны», Хазанов сочинил сам. При этом, если шуточки, посвященные, скажем, телерекламе, откровенно позывают на зевоту, а какая-нибудь юмореска про изнасилование сиамской кошки — просто дурь собачья (кошачья), то именно музыкальные сюжеты — исполнение фуги Баха в деревне Никифоровка Тамбовской области или еврейский струнный квартет, выступающий перед рабочими завода «Серп и молот», — это великолепный повод нахототаться до слез. Еврейская тематика, особенности быта и творчества иудеев в славянско-азиатской стране постепенно стала ведущей в творчестве Хазанова. И только ему дозволена такая плотность слова «жид» на единицу текста.

Хазанов гладко, занятно и образно рассказывает, легко перелетает быль с неблещей, он сам себе автор, и автор не плохой, он высочайший профессионал, при этом не заматеренный, в нем осталось много пацанского, и это выглядит очень обаятельно. Правда, Хазанов действительно обижен на публику, он ставит в неловкое положение опоздавших, с неадекватной злостью реагирует на редкие звонки мобильника в зале и вообще ведет себя иногда, как классная дама. Кажется, вот-вот скажет: «Горески, дай сюда рогатку»... Тем не менее, прощался он с натуральной (или очень похожей на натуральную) слезой, в высоком эстетическом порыве, что само по себе смешно. Так мог бы уходить пожилой, больной, истончившийся до просветления Аркадий Исаакович Райкин, а не крепкий, загорелый, в расцвете сил Хазанов. При таких обстоятельствах полагается профессорски декламировать: «Прощай, король, прощай!», но Хазанову больше подходит: «У-у, ты какой... Обидчивый».

Итак, мы простившись с Геннадием Хазановым.

Кто не успел, следующие концерты — 16 и 18 апреля.

Простите, не пожелаете.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ